

— Знаю, — хрипло ответил Лу Няньци, откашляв остатки воды. По ощущениям, вода была отвратительной на вкус и обжигала горло. В обычное время на подобные холодные слова Лу Шицзю он бы непременно огрызнулся, и лицо его стало бы мрачным. Но на сей раз он, к удивлению, не стал препираться, молча и пошатываясь поднялся на ноги, постучал себя в грудь и, откашлявшись, избавился от воды в горле.

Неподалёку от его ног лежал Цзян Шинин, принявший вид бумажной оболочки. Он немного подсох и теперь не рассыпался бы от прикосновения.

Сюань Минь подошёл, поднял его и бросил в потайной мешок — пусть валяется там вместе с той объевшейся жемчужиной. Затем все вместе они прошли через железную дверь.

За дверью начиналась уходящая вверх лестница, вероятно, оставленная строителями гробницы для выхода из-под водоёма после укладки каменных плит. Другой её конец выходил в иной коридор усыпальницы, симметричный тому, по которому они пришли.

Как и говорил Лу Шицзю, впереди, судя по всему, опасности не было. Длинная лестница не содержала ни единого пугающего узора, что было неожиданно спокойно.

Когда они почти достигли вершины, бумажный талисман Сюань Миня наконец вспыхнул.

Однако в тот миг, когда пламя разгорелось, в воздухе разлился слегка странный запах, будто бы вырвавшийся из огня.

Из потайного мешка внезапно раздался голос Цзян Шинина:

— Стойте, не двигайтесь! Запах нехороший!

— Какой запах? — спросил Лу Няньци, затаив дыхание. Произнеся это, он словно бы что-то вспомнил и молча прикрыл рот рукой — видимо, боялся, что какая-нибудь гадость проникнет внутрь.

Однако после оклика Цзян Шинина и Сюэ Сянь с его обострёнными чувствами, и Сюань Минь уловили лёгкий, едва заметный запах...

— Растительный, — вдруг сказал Сюэ Сянь.

Аромат напоминал тот, что исходит от размятых листьев и стеблей. Не то чтобы приятный, но и не отвратительный. Однако в гробнице, куда не проникал солнечный свет, он казался крайне странным.

Цзян Шинин вырос в семье лекарей, с детства вращался среди всевозможных трав и ядов. Хотя сам он считал, что до родителей ему далеко, познания его были обширны. Вероятно, к растительным запахам он был куда чувствительнее обычных людей и лучше их различал. Его внезапное восклицание лишь усиливало странность ситуации.

— Нос и рот закрывать не нужно, — сказал Цзян Шинин, ободрённый Сюэ Сянем. Он смело высунул голову из потайного мешка Сюань Миня, увидел Лу Няньци и помахал своей бумажной рукой. — Этот запах вам, наверное, незнаком. Честно говоря, я и сам сталкивался с ним редко, но видел пару раз, как от него умирали, потому запомнил. Не слышали ли вы о яде, который в просторечии зовут «семь шагов вверх, восемь вниз, на девятом — смерть»? Это значит: отравившийся им, сделав семь шагов в гору, восемь под гору и не более девяти шагов вообще — умрёт.

— Это же анчар? — сказал Сюэ Сянь. — Что-то я слышал о нём.

Цзян Шинин промычал в знак согласия:

— Верно. Ты с юга, а это дерево на юге растёт, здесь же не выживает. Если его для лекарства используют, то обычно закупают у южных торговцев летом или осенью.

Этот человек всегда, сказав пару фраз, неминуемо сворачивал на тему медицины и снадобий.

— Ты до сути доберёшься? — холодно спросил Сюэ Сянь.

— ... — Цзян Шинин смущённо умолк, а затем сухо произнёс:

— Не трогайте ничего вокруг. Подозреваю, что стены этого коридора, да и пол с потолком, покрыты соком того дерева. У всех нас есть раны. Чуть заденем — сделаем несколько шагов — и околеем.

Голос его становился тише, уверенность таяла. Пока он говорил, Лу Шицзю повернулся к нему своими слепыми глазами, затем старик Лю медленно обернулся и уставился на него мутным взором, а под конец и Сюань Минь сверху вниз на него поглядел.

— Вы... — пробормотал он и, наконец, сдавленно кашлянул, трусливо нырнув обратно в мешок.

— Не смотрите на меня. Я лучше на дне мешка полежу. Вы будьте осторожны.

Сюань Минь поднял глаза, скользнул взглядом по Лу Шицзю и старику Лю, затем остановил его на Лу Няньци.

С тех пор как они вышли из водоёма через железную дверь, порядок движения немного изменился. Раньше впереди шли Лу Шицзю и старик Лю, Сюань Минь неспешно следовал за ними, а Цзян Шинин с Лу Няньци плелись позади. Сюань Минь, находившийся посередине, незримо служил неким барьером.

Теперь же Лу Шицзю и старик Лю по-прежнему шли впереди, но неспешно следовал за ними уже Лу Няньци. Сюань Минь же больше не был «барьером» — он сам занял место в хвосте, прикрывая тыл.

Лу Няньци, до этого прикрывавший рот и нос, теперь опустил руки. Выслушав половину речи Цзян Шинина, он обернулся спиной к Сюань Миню, лицом к идущему впереди Лу Шицзю и неотрывно смотрел на своего слепого брата.

Но Лу Шицзю на него не глядел.

Предупредив остальных, Цзян Шинин умолк, Лу Шицзю спокойно повернулся и вновь зашагал к выходу из лестничного пролёта.

Пламя между пальцев Сюань Миня изредка подрагивало, и тусклый свет падал вперёд, последний отсвет как раз ложился под ноги Лу Шицзю. Впереди его ждала сплошная тьма, позади — тёплый жёлтый свет, и каждый его шаг приходился точно на границу света и тени.

Одежда на его затылке сильно поистёрлась, растрёпанные волосы наполовину прикрывали бледную шею, отбрасывая густую тень, так что в тусклом свете, не приглядевшись, и не заметишь, что там не так.

А Лу Няньци был неестественно тщедушного сложения, да к тому же стоял на несколько

ступеней ниже, потому никак не мог заглянуть брату за спину.

Как и предупреждал Цзян Шинин, коридор, должно быть, был повсюду покрыт соком анчара. Чем ближе к выходу, тем отчётливее становился запах.

— Пришли, — Лу Шицзю, стоявший впереди, замер на верхней ступеньке. Стоя спиной к остальным, он произнёс:

— Этот коридор симметричен предыдущему. Он — последний. Я до конца не доходил, но полагаю, стоит открыть ещё одну каменную дверь — и мы выберемся.

«Я до конца не доходил»...

На первый взгляд, в этих словах не было ничего странного, но, подумав, понимаешь: раз уж дошёл сюда и видишь каменную дверь, почему бы не дойти до самого конца и не выйти?

Старик Лю тоже остановился наверху лестницы. С точки зрения Сюань Миня, он стоял, полуобернувшись, и пристально, рассеянно и отрешённо смотрел куда-то вперёд, в глубину коридора.

Лу Шицзю не стал идти дальше, а тихо обернулся и посмотрел на Лу Няньци, стоявшего сзади.

— Чего уставился? Всё равно видишь только ауру, а не лицо, — резко остановился Лу Няньци. Голос его был хриплым. Почему-то в нём слышалась... дрожь, будто бы он с трудом сдерживал горечь и страх. — Не смотри. Иди же, чего тут стоишь? О чём говорить — выберемся, тогда и поговорим. Сейчас слушать тебя не хочу.

— Лицо своё я вижу. Только не очень отчётливо, — спокойно ответил Лу Шицзю, проигнорировав вторую часть реплики брата. Он опустил руку за пазуху, достал свою неизменную деревянную ветвь. Обвязывавшая её посередине красная верёвочка уже поблёкла — неизвестно, сколько лет ей было, — но следов износа на ней не было ни малейших. Видно, вещь и впрямь была хорошая.

— Эту штуку для спиритического письма забирай, — сказал Лу Шицзю, протягивая ветвь Лу Няньци.

Тот нахмурился, отстранился, опустил глаза и уставился себе под ноги. В голосе его звучала необъяснимая раздражённость:

— Не надо, держи сам! С чего это я буду за тебя твои вещи таскать?.. Хватит болтать, только дорогу загораживаешь! Шагай вперёд, чего торчишь?!

Лу Шицзю вдруг слегка тронул уголки губ, слабо улыбнулся:

— Я не пойду.

Это была, пожалуй, одна из тех редких улыбок, что Лу Шицзю позволял себе за все годы, что братья жили вместе. Но Лу Няньци её не видел. Он стоял, опустив глаза и нахмурившись, тяжело выдохнул:

— Это ещё что значит — «не пойду»? Не упрячься...

Подняв взгляд, он был уже с красными от слёз глазами. Говоря это, он не выдержал и грубо толкнул Лу Шицзю:

— Да иди же ты!

Свет от пламени в руках Сюань Миня упал как раз на лицо Лу Шицзю. И стало видно: на его бледном, как бумага, лице произошли едва заметные перемены — на лбу проступили светлые отметины, будто бы собирались проявиться новые родинки, точно такие же, какие были на лбу у Лу Няньци.

<http://bllate.org/book/16289/1467952>